

масштабе. Приход к власти партии Право и справедливость в середине 2000-х гг. привел к пересмотру исторической политики, которая приобрела выраженный националистический характер и была основана на глорификации польского антинацистского и антикоммунистического сопротивления, а также католической церкви. Данный подход стал активно продвигаться и в рамках Европейского союза.

Исследование выполнено при поддержке БРФФИ в рамках проекта № Г23ИП-021.

Список источников

1. Gross, J. T. Neighbors: the destruction of the Jewish community in Jedwabne, Poland / J. T. Gross. – Princeton ; Oxford : Princeton University Press, 2001. – 261 p.
2. Kociszewski, J. Izrael: presja na Polskę w sprawie ustawy o IPN była skuteczna [Electronic resource] / J. Kociszewski // Wiadomości.pl. – Mode of access: <https://wiadomosci.wp.pl/izrael-presja-na-polske-w-sprawie-ustawy-o-ipn-byla-skuteczna-6267276372629121a>. – Date of access: 10.01.2023.
3. Leszczyński, A. PiS zdemolował polską historię. Kult bohaterstwa i męczeństwa przysłonił wszystko [Electronic resource] / A. Leszczyński // Oko.press. – Mode of access: <https://oko.press/pis-zdemolowal-polska-historie>. – Date of access: 10.01.2023.
4. Traba, R. Przeszłość w teraźniejszości : polskie spory o historię na początku XXI wieku / R. Traba. – Poznań : Wydawnictwo Poznańskie, 2009. – 325 s.
5. Ustawa [Electronic resource] // IPN. – Mode of access: <https://ipn.gov.pl/pl/o-ipn/ustawa/24216,Ustawa.html>. – Date of access: 10.01.2023.

Я.А. Шумаков, студент

*Научный руководитель – Б.В.Ф. Агоннуде, кандидат политических наук
РУДН (Москва)*

ПАМЯТЬ О ДЕПОРТАЦИИ НАРОДОВ В 1940-х гг. КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В понимании И. В. Князевой, манипуляция, понимаемая в широком смысле, имеет прямое отношение к поддержанию стабильности социального порядка, в том числе и в сфере национальной идентичности [1]. Таким образом, по нашему мнению, можно говорить о манипуляции «во благо», служащей, например, формированию национальной идентичности в стране, на территории которой проживает множество этнических групп, в прошлом конфликтовавших друг с другом. Наднациональная (надэтническая) идентичность, сформированная в том числе и с помощью манипуляции (направленной,

например, на формирование таких нарративов о прошлом, которые способствуют примирению этносов), может предотвратить дальнейшее противостояние, заменив его сотрудничеством ради общих целей. Примером такого «позитивного» использования манипуляции можно назвать политику Российской Федерации в области памяти о депортации народов в 1940-х гг.

Выделить конкретные, неабстрактные составляющие идентичности, в том числе и российской, довольно сложно. Тем не менее, есть несколько принципов, на которых, по мнению многих исследователей, сформирована российская идентичность. Это прежде всего принятие русского этнокультурного компонента как базисного элемента российской идентичности [5] и представление о российской идентичности, как идентичности гражданской и, как следствие, объединяющей большое количество различных этносов. Иными словами, важным компонентом российской идентичности является восприятие представителей отличных от своих этнических групп как «своих» в случае, если они идентифицируют себя как россияне. Существует множество черт, характерных для российской идентичности. Однако при определении ее основных компонентов многие исследователи называют патриотизм и идеи суверенитета. Именно эти два компонента представляют интерес для нашего исследования.

Формирование российской идентичности в такой многонациональной стране как Россия происходит со значительной опорой на те эпизоды в прошлом населяющих ее народов, в которые они действовали сообща ради достижения общей цели. В частности, наиболее ярким таким эпизодом было противостояние СССР с национал-социалистической Германией, в связи с чем нарратив о тех событиях до сих пор является ключевым в отечественной политике памяти [4]. Однако в российском прошлом были и такие события, которые работают прямо противоположным образом, способствуя формированию негативного образа российского государства, тем самым снижая привлекательность российской идентичности. Одним из таких проблемных эпизодов является депортация народов 1943–1944 гг.

Существует огромное количество негативных для формирования российской идентичности последствий, вызванных депортацией народов. Наиболее очевидным из них является то, что формальной причиной, по которой балкарцы, ингуши, чеченцы, калмыки, карачаевцы и другие народы были приговорены к депортации являются акты коллаборационизма с немецкими оккупантами. Как мы уже писали выше, для сплочения этносов, населяющих Российскую Федерацию в единую нацию, коллективная победа во Второй мировой войне – это однозначно самое важное событие в истории страны. Депортированные же народы в свое время были не просто лишены возможности разделить радость победы, но и оказались на стороне проигравшей

Германии, понеся наказание в виде расформирования своих автономий и высылке значительной части своего населения в Центральную Азию. Таким образом, по сути, центральное для российской идентичности историческое событие оказывает уже не настолько сильный скрепляющий эффект, какой могло бы, а в коллективной памяти подвергнутых депортации народов закрепилось восприятие государства (по крайней мере советского) как несправедливого и карательного. Но память о депортации создает проблемы не только в формировании доверительных отношений с государством, но и с другими национальностями Российской Федерации. Наиболее ярким примером здесь является Осетино-ингушский конфликт 1992 г.

В 1991 г. был принят закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов». В нем политика депортации характеризуется как противоправная и оскорбляющая не только репрессированных, но и все другие народы страны. Также в законе отдельно отмечается, что последствия этой политики осложняют межнациональные отношения внутри страны и способствуют возникновению межнациональных конфликтов [3]. Хочется обратить внимание на то, что в данном документе прямо говорится, что за репрессии несет ответственность именно государство.

В 2015 г. также был принят нормативно-правовой акт, направленный на поддержку жертв политических репрессий (в том числе и депортированных народов). Речь идет о «Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий». В концепции содержатся конкретные меры по реабилитации репрессированных и увековечиванию памяти о репрессиях, а попытки оправдать их признаются недопустимыми [2]. В 2018 г. срок реализации концепции был продлен до 2024 г., так что на сегодняшний день именно этим документом руководствуется государство при работе с памятью о депортации. Представляет интерес сравнение этих двух правовых актов, проведенное нами с помощью контент анализа. Нас интересовало какой образ государства формируется в этих двух законах. В акте от 1991 г. государство упоминается всего четыре раза. В двух из них используются такие обороты как «по признакам национальной или иной принадлежности проводилась на государственном уровне политика клеветы и геноцида»; «политика произвола и беззакония, практиковавшаяся на государственном уровне». В двух других случаях государство упоминается в контексте необходимости проведения демократических реформ и прямого отношения к теме нашего исследования эти упоминания не имеют. Таким образом можно констатировать, что в документе четко указано, что виновным в депортации народов является именно государство, эта тема не обходится стороной, в отличие от закона 2015 г. В нем государство упоминается уже 16 раз, но во всех этих упоминаниях речь идет именно о современной России. Роль же государства в событиях 1940-х гг.

в документе никак не обозначена (хотя и не отрицается). Складывается ситуация, в которой однозначно можно говорить о наличии пострадавших от репрессий (в том числе и от депортации), но совершенно нет упоминаний о том, кто эти репрессии проводил. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что нарративом государства является представление о депортации как своего рода стихийном бедствии, событии безусловно трагичном, но с государством (по крайней мере с Российским) не связанном. К схожему выводу пришли и такие исследователи как Э.Б. М. Гучинова [7], Ю.В. Зевако [8] и Т. Ю. Юрнева [6].

В целом подход, выбранный правительством Российской Федерации, представляется нам вполне оправданным, поскольку для формирования у депортированных в 1940-е гг. народов российской идентичности необходимо, по крайней мере, нейтральное отношение к государству (к слову официально являющемуся наследником Советского Союза), чему явно не будет способствовать как постоянное напоминание о вине государства, так и полное ее отрицание. Государственный нарратив о депортации народов, в котором почти полностью отсутствует фигура виновного, с определенными оговорками, можно назвать манипуляцией общественным сознанием. Безусловно, в нарративе прямо не говорится о том, что государство не причастно, вместо этого снимается сам вопрос о причастности и об оправданности или бессмысленности репрессий. Создается иллюзия того, что виновника в принципе не существует, а есть лишь трагичные обстоятельства, с которыми столкнулись депортированные народы.

Список источников

1. Князева, И. В. Историческая эволюция форм манипуляции общественным сознанием / И. В. Князева // Науч. Ведомости. Серия Философия. Социология. Право. – 2010. – Вып. 14, № 20. – С. 220–225.

2. Концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий [Электронный ресурс] : Распоряжение правительства Российской Федерации : 15 авг. 2015 г. : №1561-р // Правительство Российской Федерации. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/AR59E5d7yB9LddoPH2RSIhQpSCQDERdP.pdf>. – Дата доступа: 30.11.2023.

3. О реабилитации репрессированных народов [Электронный ресурс] : Закон РСФСР : 26 апр. 1991 г. : № 1107-1 : с изм. и доп. от 1 июля 1993 г. // КонсультантПлюс. Россия. – М., 1993.

4. Севастьянова, Я. В. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы. / Я. В. Севастьянова, Д. В. Ефременко // Прошлое и будущее в советском метанарративе: взаимосвязь национального и наднационального : коллективная монография / Европейский

университет в Санкт – Петербурге ; под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. – Санкт Петербург, 2020 – С. 40–61.

4. Дробижева, Л. М. Российская идентичность и межэтническая толерантность / Л. М. Дробижева, С. В. Рыжова // Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение / под ред. М. К. Горшкова. – М., 2010. – С.116–135.

6. Юрнева, Т. Ю. Мемориальный комплекс как форма увековечения памяти жертв политических репрессий в постсоветской России / Т. Ю. Юрнева. – М., 2022. – 10 с.

7. Гучинова, Э.-Б. М. Представляя депортацию калмыков: от Поездов памяти к медиапроектам / Э.-Б. М. Гучинова. – Элиста : Калмыцкий науч. центр Росс. Акад. Наук, 2021. – 19 с.

8. Зевако, Ю. В. Формирование «Аффилированной постпамяти» об эпохе политических репрессий (на примере подростков – обучающихся 9–11 классов) / Ю. В. Зевако. – Екатеринбург : Лаборатория междисциплинарных гуманитарных исследований ИИИА УрО РАН, 2019. – 20 с.

*М.М. Юсна, научный сотрудник, аспирант
РИБШ (Минск)*

*Научный руководитель – В.А. Мельник, доктор политических наук, профессор
АУнПРБ (Минск)*

КОЛЛЕКТИВНЫЙ СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ: ФАКТОР РИСКА И ОСНОВА СТАБИЛЬНОСТИ ОБЩНОСТИ

XXI в. принес в нашу жизнь не только технический прогресс и открытость границ, но и новую парадигму мирового противостояния. Ее основу заложил американский исследователь С. Хантингтон в своей работе «Столкновение цивилизаций и перестройка мирового порядка», выпущенной в 1996 г. В ней автор выдвинул тезис о том, что после окончания противостояния идеологического, зафиксированного проигрышем СССР в Холодной войне, началось противостояние цивилизационное.

Говоря о столкновении цивилизаций, мы предполагаем, что аналитический аппарат на службе у западных государств исходит из цивилизационного подхода в своей военной стратегии, направленной на развал цивилизаций-оппонентов. С этой целью агрессор ищет слабые места в защите противостоящей цивилизационной общности, обладающей набором передаваемых знаний, на которых строится ее единство. Исходя из слов А.С. Панарина, можно предположить, что данная информация заключена в коллективный символический капитал, являющийся «копилкой общей памяти» и хранящий